

за смерть брата. Есть основание признать таким источником «паримийное чтение» о Борисе и Глебе. Именно здесь рядом с рассказом об убийстве Бориса и Глеба сообщается, что Святополк «приложи еще убити Святослава в горе Угорьстей и бежавъшу ему в Угры». Может быть, автор «Сказания» был недостаточно осведомлен и не знал, что к лику святых были причислены только два брата, и, прочитав, что Святополк «уби» и Святослава, занес в святые и третьего брата. В одном из списков «паримийного чтения» (список А) сохранился и тот именно эпитет Святополка «поганый полк (а не «поганопълк», как в основном), который перенес наш автор в «Сказание».⁷

Из повести перенесен в «Сказание» боярин Кучка со своими двумя сыновьями. Находясь в услужении при дворе князя Даниила, Кучковичи, как и в «Повести», пользуются любовью князя (там они находились в «велицей чести»), одного из них князь «пожаловал в стольники, а другаго — в чашники». Как и в «Повести», в убийстве своего князя Кучковичи участвуют вместе с его женой княгиней Улитой. Однако если в «Повести» участие Кучковичей в преступлении можно было бы объяснить желанием их отомстить за ранее убитого отца, то в «Сказании» мотивировку убийства ими князя автор перенес в иную область: они любовники княгини Улиты Юрьевны. Самыми красивыми юношами «во всей русской земле» не случайно назвал их автор «Сказания», развивая краткое определение внешности Кучковичей в «Повести» — «лепы зело». Необыкновенная «красота лица их» и возбудила к ним страсть Улиты Юрьевны.

Из текста «Сказания» неясно, кто был зачинщиком заговора против князя — там глухо сообщается, что «Кучка боярина дети со княгиней» «здумали извести князя». Однако из дальнейшего следует, что Улита, а не юноши решительнее стремилась довести дело до конца. Хотя Кучковичи, «аки волци лютии», гнались за раненым князем, однако они действовали «в торопях», «во ужасте», поэтому дали ему скрыться и сразу раскаялись, что затеяли «злое дело смертное». Их душевное состояние автор изображает именно как раскаяние перепуганных мыслью о наказании преступников: «быв в сетованье и в печали, во скорби велицей, что упустили князя Данила жива с побоища ранена», они в ужасе представляют себе, как будет мстить им князь Андрей «с войским», как «принята будет от них злая казнь разноличная и смерть лютая»; они признаются, «что напрасно здумали зло на князя неправедно». Кучковичи, следовательно, сами оценивают весь заговор как «неправедное зло». И только наученные Улитой, как с помощью «пса выжлеца» найти князя, они снова «злаго ума от тоя злоядницы ... наполнишася» и обнаруженного псом князя «мчи и копы прободоша», «отсекоша главу ему, в том же струбце покрыша тело его». В доказательство смерти князя они «привезли ризу кровавую» Улите и зажили с ней «в прелюбодействии».

Этим трусливым исполнителям замыслов княгини противостоит решительная, не останавливающаяся перед преступлением, чтобы удовлетворить свою страсть, «Улита Юрьевна», прототипом которой несомненно является жена князя Андрея из «Повести о зачале Москвы». Однако автор «Сказания» уделил больше внимания характеристике Улиты, усилил ее роль в преступлении, резче осудил ее.

Смело заменив столкновение аскета князя с чувственной женой рассказом о любви княгини к двум красавцам Кучковичам, толкнувшей Улиту на убийство мужа, автор «Сказания» в самом изображении этой любви

⁷ Д. И. Абрамович. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Памятники древнерусской литературы, вып. 2 Пгр., 1916, стр. 118, вар. 54.